

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 800

Е. Н. БЕЛАЯ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ КОНЦЕПТА СМЕРТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Анализируется концепт смерти во французской языковой картине мира. Данный концепт образует фрейм, ядром которого является субъект — предикат — причина. Описывается лексико-семантическое, семантико-синтаксическое наполнение каждой структуры.

Ключевые слова: концепт, фрейм, предикат.

Статья посвящена концепту смерти во французской языковой картине мира в когнитивно-семантическом аспекте. Смерть определяется как прекращение жизни, естественный конец единичного живого существа или насильственное умерщвление индивидов. Поскольку человек, в отличие от других живых существ, сознает свою смертность, смерть выступает для него как конститутивный момент его жизни и мировоззрения.

Смерть репрезентируется в значении слова или выражения, имеющего определенное концептуальное содержание и структуру, разложимую на категориальные компоненты. Опорным понятием в методике исследования концепта «смерть» выступает фрейм. М. Минский считает, что фрейм — это мыслитель-

ный образ стереотипной ситуации. Особую значимость здесь приобретает характер денотации: мыслительная связь данного когнитивного образования с денотативной ситуацией особого рода — стереотипной. Другим важным категориальным признаком фрейма является его структурированность, объединяющая в единый когнитивный образ языковые и неязыковые знания. Следующим принципиально существенным свойством фрейма следует назвать возможность его объективации средствами вторичной и косвенно-производной номинации естественного языка. Содержание фрейма образуется структурированной совокупностью обязательных и факультативных признаков. Обязательные признаки фрейма объективируются его когнитивно-пропозициональ-

ной структурой. Они входят в качестве смысловых элементов в семантическую структуру единиц вторичной номинации. Факультативные признаки выполняют в структуре фрейма конкретизирующую функцию [1]. Для нас актуальна также точка зрения Т. А. ван Дейка, который считает, что фреймы — это не произвольно выделяемые «кусочки» знаний, а единицы, организованные вокруг некоторого концепта. Но в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом [2]. Как видим, подчеркивается мысль о том, что фреймы необходимо увязывать с концептом.

Концепт смерти образует фрейм, ядром которого является **субъект–предикат–причина**. Кроме того, фрейм включает дополнительный компонент **«артефакты смерти»**. Рассмотрим ядерный компонент фрейма **предикат**. Смерть обозначается разными видами предикатов, в первую очередь **глаголами**. Согласно Nouveau dictionnaire des synonymes под редакцией E. Genouvrier, C. Désirât, T. Horde, в синонимический ряд включены глаголы с семантикой *смерти* с доминантой *mourir*: *agoniser, décéder, s'éteindre, succomber, trespasser, expirer, claquer, crever, claboter, périr*.

Среди рассматриваемых нами синонимов глагол *agoniser* означает не результат, а процесс смерти: «агонизировать, быть в агонии, умирать», остальные синонимы означают результат смерти.

Глагол *s'éteindre* обозначает «медленно умирать, угасать», относится к возвышенному стилю и используется в текстах, выдержанных в торжественно-приподнятой тональности:

Elle s'éteignit dans les bras de la fille (R); Vieillard qui s'éteint (R).

Нейтральный глагол *mourir* означает «перестать жить» и используется в любых коммуникативных условиях:

Il est mort de vieillesse a quatre-vingt-dix ans (R).

Лексема *mourir* имеет широкое в синонимическом ряду значение, является наиболее употребительным глаголом, обладает полной парадигмой, широким набором синтаксических конструкций и сочетаемостью, а также нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно. Так, например, глагол *mourir* допускает при себе позицию со значением причины с предлогом *de* (умереть от чего-либо): *mourir d'une maladie, mourir de faim, mourir de vieillesse*, может сочетаться с наречием: *mourir courageusement (умереть мужественно), mourir subitement (умереть внезапно)*.

Наряду с этим глаголом язык располагает значительным количеством вариантов. Так, например, синоним *succomber*, как и *mourir*, обозначает «умереть, скончаться» и предполагает часто мучительную и трудную смерть: *Succomber au terme d'une longue maladie. Le malade a succombé (R).*

Глагол *expirer* обозначают «умереть, испустить последний вздох»:

Elle expira dans les bras de sa fille (R).

Синоним *décéder* также означает «умереть», но он принадлежит к официально-деловому стилю речи, используется в юридических документах. Как отмечает Э. В. Грабарова, значение глагола *décéder* в отличие от глагола *mourir* имеет образную основу, так как этимологически восходит к латинскому глаголу *décéder* (*s'en aller*). В этом отношении глагол *décéder* сближается с точки зрения признака, положенного в основу наименования, с глаголом *partir*

в его производно-образном значении. Воспринимаемая образная основа наименования глагола *partir* сообщает ему оттенок эвфемистичности, в то время как *décéder* уже не ассоциируется с *s'en aller*, и его стилистическая окраска связана с определенным способом выражения, стилем речи, но не с образностью [3].

Il est décédé depuis dix ans (R).

Глагол *trespasser* относится только к человеку, означает «скончаться», «умереть», эмоционально-окрашенное слово восходит к высокому стилю:

Il était arrivé au vieil absent [...] diverses choses dont la principale était qu'il était trespasé (Hugo).

Глаголы *disparatre, partir* обозначают событие смерти не прямо и точно, как *mourir* и *décéder*, а эвфемистично. В синонимах *disparatre, partir*, относящихся к возвышенному стилю, выделяются два компонента стилистической окраски: образность и функционально-стилевая закреплённость за определенными коммуникативными условиями. Для данных глаголов характерна эвфемистичность, стремление сгладить социальные и психологические табу.

Глагол *périr* означает насильственную смерть, «погибнуть, погибать»:

Périr sur l'échafaud, périr à la guerre. Chilpéric périt bientôt, assassiné (Michelet). Среди синонимичных глаголов с семантикой смерти очень много фамильярно-разговорных и просторечных наименований, например, *calancher, clamecer, clam(p)ser, claquer, clabot(t)er*:

Tu risques de claquer d'une congestion cérébrale (B. Clavel, «L'Hercule sur la place»).

Для всех перечисленных глаголов сочетаемость с формами субъекта является обязательной. Субъект выступает в формах существительного и местоимения в разных лицах и числах, образующих с предикатом синтаксическую конфигурацию «Кто-то умер»: *L'homme est mort; Il est mort.*

Во французском языке есть глаголы с семантикой смерти, содержащие сему **каузативность**, значение которой выражается различными средствами:

1) лексическими: *abattre, assommer, exterminer, occire;*

2) супплетивными глагольными парами, например, *mourir – tuer;*

3) словосочетаниями: *глагол + существительное*, причем каузативный процесс обозначают глаголы *donner, faire, mettre*, например, *donner la mort à qn (убить, прикончить кого-либо);*

4) грамматизованные сочетания служебного глагола с инфинитивом, например, *faire mourir (убить), faire périr (Les fascistes ont fait périr beaucoup de prisonniers).*

Номинации *tuer, abattre, descendre, assommer, assassiner, massacrer, exterminer, décimer, occire, meurtir* обозначают общее значение «убить кого-либо, лишить жизни». Среди каузативных синонимов доминантным является глагол *tuer*, который обозначает «убить кого-либо (человека или животное), лишить кого-либо жизни». Этот глагол относится к нейтральному стилю, обладает полной парадигмой, широким набором синтаксических конструкций и сочетаемостью, например, *tuer un homme, un animal; tuer d'un coup de couteau, tuer d'un coup de fusil, tuer à la guerre, tuer par le poison, tuer un criminel après jugement.*

On leur tua beaucoup de monde (Racine).

Каузативный глагол *assassiner* означает «убивать, совершать убийство», который также обладает широким набором сочетаемостью, например, *assassiner lâchement, assassiner par vengeance, assassiner pour*

voler, assassiner en plein jour, assassiner injustement, Il a assassiné un homme.

Au meurtre! On m'assassine! (Boileau).

Согласно словарю «Petit Robert», синоним *exterminer* означает «истреблять, уничтожать живые существа в большом количестве». Глагол *massacrer* обозначает «массовое жестокое истребление людей, которые не могут защититься» (*massacrer des civils, des prisonniers*).

Toute cette tribu fut exterminée, de façon qu'il ne resta pas un des fils de ceux qui se vantaient d'avoir brûlé Rome (Michelet).

Каузативный глагол *abattre* означает «убить, подстрелить человека или животное», например, *abattre d'un seul coup, abattre d'un coup de fusil, abattre qn comme un chien, abattre l'ennemi*.

Le chasseur a abattu un oiseau (R). Il a abattu un homme (R).

Глаголы *noyer (ymonуть), empoisonner (отравить) (mkler, infecter de poison; empoisonner une boisson, un puits, un étang)* указывают на причину убийства, например, *Il veut noyer son chien (R)*.

Во французском языке есть ряд каузативных глаголов с семантикой смерти, которые относятся к устаревшей лексике. Согласно словарю «Petit Robert», глагол *décimer* означает «убивать, казнить кого-либо», имеет помету «относящийся к истории», синоним *occire* означает «убивать» и употребляется в инфинитиве и сложных временах, имеет помету «устаревший», глагол *meurtrir* обозначает «убить» и имеет помету «устаревший» в этом смысле. Синоним *expédier* обозначает «убить, отправить на тот свет» и относится в этом значении к устаревшей лексике.

Следует отметить, что предикаты каузации связаны с субъектом — лицом. В этом случае субъект выполняет функцию каузатора и занимает, как правило, позицию подлежащего. В данной ситуации субъект каузатор — тот, кто убивает, лишает жизни кого-либо: *Cet homme a tué sa femme*.

Второй группой предикатной лексики с семантикой смерти являются **существительные**. Nouveau dictionnaire des synonymes под редакцией E. Genouvrier, C. Désirât, T. Horde, включает следующие абстрактные субстантивные номинации с общим значением смерти: *mort, trépas, décès, fin*.

Существительное *mort* является доминантой в синонимическом ряду и имеет общее значение смерти, является наиболее употребительным синонимом: *Le vieillard sentit que la mort approchait (A. France)*.

Существительное *mort* может означать смерть животного: *mort du loup; mise à mort du taureau par le matador (Grand Robert)*.

Номинация *mort* нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно и обладает широкой сочетаемостью: *mort affreuse, mort prompte, mort proche, être à là mort, marcher à la mort. Il marchait à la mort avec courage*.

В отличие от общеупотребительного *mort*, существительное *trépas* является эмоционально-окрашенным словом высокого стиля и относится только к человеку:

M. Roque déclara le trépas de l'Archevêque «tout ce qu'il y avait de plus sublime» (Flaubert).

Существительное *décès* употребляется преимущественно в официально-деловом стиле (пресса, акты гражданского состояния): *constatation du décès, acte, certificat de décès*.

Tout décès doit être constaté par un médecin (R).

Смерть может быть разной, например, естественной, насильственной, внезапной: *mort naturelle, mort*

violente, mort tranquille, mort affreuse, mort prompte, mort proche.

К номинативной лексике, используемой в позиции предиката, относятся существительные, означающие «покойник, мертвец, труп»: *mort, cadavre, charogne, macchabée*. Среди рассматриваемых нами синонимов существительное *mort* является доминантой и относится к нейтральному стилю, означает «умерший человек, труп, мертвец»:

Tous les morts de sa famille sont enterrés dans le cimetière du village (R).

Номинация *charogne* означает мертвое тело умершего животного в состоянии разложения и переводится как «падаль, тухлятина».

Смерть имеет свои **атрибуты и артефакты**, к которым относятся похороны, гроб, венки, кладбище, могила. Словарь Nouveau dictionnaire des synonymes под редакцией E. Genouvrier, C. Désirât, T. Horde дает следующий синонимический ряд с семантикой «похороны»: *enterrement, funérailles, obsèques, convoi*. Согласно словарю «Petit Robert», номинация *enterrement* обозначает «похороны, погребение, похоронная процессия», является доминантой в синонимическом ряду, относится к нейтральному стилю, обладает широкой сочетаемостью: *enterrement magnifique, riche enterrement, pauvre enterrement, enterrement civil, assister à un enterrement*.

L'enterrement a eu lieu hier (R).

Согласно словарю «Petit Robert», синоним *funérailles* означает «похороны, погребение»: *faire à qn des funérailles nationales; assister aux funérailles de qn*. Синоним *convoi* означает «похоронная процессия, погребальное шествие», номинация *obsèques* означает «похороны»: *obsèques religieuses, obsèques civiles, obsèques nationales*.

Le chef de l'État assista aux obsèques des victimes de la catastrophe, de l'attentat (R).

К артефактам умершего человека относится гроб. Словарь Nouveau dictionnaire des synonymes под редакцией E. Genouvrier, C. Désirât, T. Horde предлагает следующий ряд номинативных синонимов с семантикой «гроб»: *cercueil, bière, sarcophage*. Номинация *cercueil*, доминанта в синонимическом ряду, обозначает «гроб, специальный ящик, в котором хоронят умершего», является наиболее употребительной, относится к нейтральному стилю, обладает широкой сочетаемостью: *cercueil de bois, cercueil de plomb, descendre un cercueil dans la tombe. Estrade sur laquelle on place le cercueil. Cercueil placé dans un mausolée. Drap couvrant le cercueil (R)*.

Синоним *bière* обозначает также «продолговатый ящик, в котором хоронят человека», но более скромный, простой: *mise en bière*.

Синоним *sarcophage* означает «массивный гроб, гробница» и относится к нейтральному стилю. Во французском языке есть многозначное слово *sapin*, которое имеет значение «гроб» и в этом смысле относится к разговорному стилю.

Гроб опускают в могилу. В словаре Nouveau dictionnaire des synonymes под редакцией E. Genouvrier, C. Désirât, T. Horde представлен следующий синонимический ряд с семантикой «могила»: *tombe, tombeau, caveau*. Синоним *tombe* означает «могила» и относится к нейтральному стилю, является доминантой в синонимическом ряду и имеет широкую сочетаемость: *tombe humble, tombe modeste, tombeau bien entretenue, la tombe du Soldat inconnu, avoir un pied dans la tombe*.

La tombe de son grand-père se trouve dans un cimetière de campagne (R).

Синоним *tombeau* может переводиться как «могила, надгробный камень», относится к нейтральному стилю, обладает широкой сочетаемостью: *mise en tombeau, mettre au tombeau, conduire au tombeau, descendre au tombeau*.

Номинация *caveau* обозначает склеп, закрытое помещение ниже уровня земли под церковью или на кладбище, в котором ставятся гробы с телами умерших: *caveau de famille, les niches funéraires d'un caveau*.

К артефактам умершего относятся памятник, цветы, венки (*une couronne, des fleurs: déposer une couronne de fleurs sur la tombe de qn, une tombe (un tombeau) disparaît sous les fleurs, fleurir une tombe, déposer une couronne sur la tombe de qn, couronne de fleurs naturelles, couronne de fleurs artificielles*). Согласно словарю «Petit Robert», номинация *monument* означает «памятник», относится к нейтральному стилю, обладает широкой сочетаемостью: *monument commémoratif, monument funéraire, monument aux morts*.

Dans notre ville on a érigé un monument aux morts de la Grande Guerre Nationale (R).

Умершего человека хоронят на кладбище. Во французском языке есть целый ряд номинаций со значением «кладбище». Согласно Словарю Nouveau dictionnaire des synonymes под редакцией E. Genouvrier, C. Désirât, T. Horde, в синонимический ряд входят следующие существительные: *cimetière, nécropole, columbarium, ossuaire, crypte*. Существительное *cimetière* обозначает «кладбище», является доминантным в синонимическом ряду, нейтрально стилистически, прагматически, коммуникативно, обладает широкой сочетаемостью: *vieux cimetière, cimetière abandonné, vaste cimetière, enterrer qn au cimetière*.

L'enterrement de notre ami a eu lieu dans un cimetière de campagne (R).

Синоним *nécropole* означает «некрополь, кладбище», относящийся к истории: *nécropoles égyptiennes, nécropoles étrusques, nécropoles grecques*. Существительное *columbarium* обозначает «место, где после кремации устанавливаются урны с прахом: *des columbariums*.

Следующим обязательным компонентом фрейма смерти является **субъект**. Типом субъекта являются человек, животное, растение, которые могут быть выражены с помощью существительного (*L'homme est mort; Le cheval a crevé*), личного местоимения (*Il est mort; nous mourrons*).

Человек может умереть в любом возрасте: *mourir de vieillesse, mourir vieux, mourir jeune, mourir à la fleur de l'âge*.

Третьим компонентом фрейма «смерть» является ее **причина**. Одной из причин смерти является болезнь: *Il est mort d'une grave maladie, il est mort d'un cancer*. Другой причиной смерти может быть старость: *Il est mort de vieillesse et sans souffrance (R)*.

Человек может погибнуть в результате несчастного случая. Во французском языке эта идея выражается посредством сочетания глагола *périr* с указателями на причину смерти, например, *périr dans l'incendie, périr en mer*. Причина смерти может быть выражена в самой семантике глагола, например, *se noyer (утонуть, топиться), s'empoisonner (intoxiquer) (отравиться)*.

Il s'est noyé, car il ne savait pas nager (R).

Человек может погибнуть от голода, холода: *mourir de faim; Il a péri par la faim et le froid, или на войне: périr à la guerre (Son père a péri à la guerre); Il est mort*

au champ d'honneur; Beaucoup de soldats morts sont restés au champ de bataille; mourir au combat (R).

Следует отметить, что причиной смерти человека может быть казнь по приговору суда. Словарь Nouveau dictionnaire des synonymes под редакцией E. Genouvrier, C. Désirât, T. Horde дает следующий синонимический ряд с семантикой казни: *supplicier, pendre, empaler, écarteler, guillotiner*. Как видим, сама лексика иллюстрирует виды казни, которые были в истории Франции. Теперь рассмотрим номинации с семантикой казни.

Номинация *supplicier* означает «казнить, предать казни»: *supplicier un condamné. La nuit de l'exécution, en se partageant les dépouilles des suppliciés [...] les bourreaux [...] se battirent (Zola).*

Глагол *pendre* обозначает «вешать кого-либо»: *pendre un condamné à un gibet, à une potence. Pendre qn haut et court, avec une corde courte, difficile à détacher. Pendre qn en effigie*.

Глагол *empaler* обозначает «сажать кого-либо на кол»: *empaler un condamné*. Глагол *écarteler* обозначает «четвертовать кого-либо»: *Damiens était fort. Et quatre forts chevaux ne purent l'écarteler (Michelet).*

Номинация *guillotiner* обозначает «гильотинировать»: *assassin guillotiné; le cadavre d'un guillotiné. Envoyer un criminel à la guillotine. «Plutôt cent fois être guillotiné que guillotineur» (attribué à Danton).*

Причиной смерти может стать самоубийство. Словарь «Nouveau dictionnaire des synonymes» дает следующий синонимический ряд глагольных номинаций с семантикой самоубийства: *se tuer, se suicider, se détruire, se supprimer*. Среди рассматриваемых нами синонимов глагол *se tuer* является доминантным, означает «убить себя, лишить себя жизни, разбиться насмерть» и относится к нейтральному стилю. *Il a été si bouleversé par son malheur qu'il voulait se tuer (R).*

К языковым характеристикам выделенного фрейма относятся реализующие его семантико-синтаксические структуры, которые представляют собой связь соответствующей языковой структуры с выражаемой денотативной ситуацией. Во французском языке имеются следующие базовые модели с семантикой смерти:

1) **V**. Бесподлежащее глагольное предложение, которое реализуется только в императиве; общее значение — побуждение, просьба, мольба:

Ne meurs pas!

2) **S+V+Attr**. Предложение с именным сказуемым:

Le soldat est mort;

3) **S+V**. Двусоставное глагольное личное предложение:

Cet homme meurt;

4) **S+V+Cс**. Глагольное предложение с обстоятельством причины:

Paul est mort d'une maladie grave.

Названные модели располагают рядом модификаций:

1) грамматические: *Il meurt, ils meurent, il est mort, nous mourrons;*

2) структурно-семантические модификации:

а) модальные реализации: *Il doit mourir, il veut mourir, nous pouvons mourir;* б) фазисные реализации: *il a commencé à agoniser (mourir).*

Библиографический список

1. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — М. : Энергия, 1979. — 151 с.

2. Дейк, Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
3. Грабарова, Э. В. Концепт «savoir vivre» — «умение жить» / Э. В. Грабарова // Иная ментальность. — М.: ГНОЗИС, 2005. — С. 257–333.

БЕЛАЯ Елена Николаевна, канд. филолог. наук, доцент (Россия), доцент кафедры французского языка. Адрес для переписки: elena555-90@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.10.2012 г.
© Е. Н. Белая

УДК 800

Н. И. ГАЦУРА

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ТЕКСТОВ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»)

В данной статье адекватность перевода художественного текста рассматривается с точки зрения адекватности полученного транслата эмоционально-смысловой доминанте исходного текста.

Ключевые слова: эмоционально-смысловая доминанта, «красивый» и «печальный» текст, авторский доминантный смысл, адекватность перевода.

Целью данной статьи является установление адекватности переводов рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» на английский язык. Актуальность данной статьи обусловлена многочисленными попытками современных исследователей расширить критерии адекватности, эквивалентности перевода и рассматривать оптимальность перевода как величину, обусловленную не только знанием другой культуры и ее языка, а столкновением эмотивных смыслов и ментальных пространств автора с пространствами и смыслами переводчиков, их индивидуально-личностными особенностями. Об этом свидетельствуют работы В. А. Пищальниковой, В. А. Нуриева, Т. Г. Пшенкиной. Последнее время все чаще стал возникать вопрос, на каком основании преобразование речевого произведения на одном языке является переводом речевого произведения на другом, что выступает инвариантом как мерой эквивалентности или адекватности текстов в этом перекодировании, до какой степени должны сближаться оригинал и транслат.

Для начала необходимо определиться с понятием адекватности перевода, которое, как свидетельствует анализ теоретической литературы, понимается исследователями по-разному. В. А. Нуриев трактует адекватность перевода художественного текста как «относительную равноценность реконструкции семантической модальности текста оригинала» [1]. Исследователь подчеркивает необходимость воссоздания концептуальной, субъективно-оценочной специфичности планов содержания и выражения исходного текста. При этом отличие личности переводчика от личности создателя переводимого произведения может послужить в качестве особого фактора, влияющего на адекватность перевода. А. Васадзе отмечает, что искажение художественного произведения в сфере эстетических переживаний следует считать психологически, объективно обусловленным социальным явлением, т.к. личность переводчика не тождественна личности автора [2].

Сложность перевода художественных текстов, как текстов эстетических, состоит в том, что полностью адекватный перевод художественных текстов невозможен. Я. И. Рецкер [3] отмечал среди критериев адекватности соответствие частице действительности, описанной в оригинале и максимальное приближение полученного результата к воздействию оригинала.

Итак, поскольку деятельность переводчика детерминирована интралингвистическими и экстралингвистическими явлениями, то адекватность перевода попадает в зависимость от таких субъективных факторов, как эмоционально-смысловая доминанта (далее ЭСД, термин введен В. П. Беляниным) как авторского текста, так и текста-транслата. При анализе адекватности перевода следует учитывать принцип установления/определения, сохранения, адекватной передачи той же ЭСД, что и в оригинале. Использование классификации текстов по психологической акцентуации типа личности, разработанной В. П. Беляниным, рассматривается в этой статье как психолингвистический аспект перевода. Психолингвистические модели текста разработаны В. П. Беляниным с учетом принципа преобладания в них определенной ЭСД. Анализ каждого типа текста предполагает учет следующих факторов: определенного тематического набора описания (темы), сюжетного построения, списка предикатов (под предикатом понимается конститутивный член суждения — то, что высказывается о субъекте), лексических элементов, которые в других семантических пространствах означают другое, закономерного использования имен собственных. Под ЭСД В. П. Беляниным понимается система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте [4].

ЭСД является организующим центром текста и влияет на семантику, морфологию, синтаксис и стиль.

Г. О. Винокур замечает, что поскольку язык писателя — это отражение его внутреннего мира, то в основе разного построения текстов лежит разная психология [5]. Из вышесказанного следует, что разные переводы одного и того же текста позволяют определить специфику когнитивной и эмоциональной сферы, субъективное отношение к миру самого переводчика. ЭСД при переводе текста может искажаться, могут изменяться некоторые параметры текста. Попытки использования теории ЭСД как структурообразующего компонента текста перевода уже предпринимались исследователями Е. Е. Роговской [6] и В. Г. Красильниковой [7].

Критерием адекватности перевода будем считать соответствующее понимание и фиксацию ЭСД исходного текста всеми возможными средствами: эпитеты и оценка, цветовая гамма и т.д., передача чувств и эмоций персонажей, объединенных теми же смыслами, что и в тексте-оригинале в языке переводов.

В ходе анализа адекватности переводов данного рассказа были использованы метод сопоставительного, литературоведческого, контекстуального анализа, интроспекции, элементы компонентного анализа и анализа дефиниций лексем в английских толковых словарях.

Рассмотрим два перевода рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой», выполненные двумя разными переводчиками: английским автором и переводчицей Айви Литвинов (1889 — 1977) и Констанс Кларой Гарнетт (1861 — 1946) — английской переводчицей русской литературы, которая первой представила А. Чехова англоязычной публике. Анализируемый текст А. П. Чехова «Дама с собачкой» можно классифицировать как «красиво-печальный». Основные семантические поля рассказа являются характеристиками «красивого» текста, но в тексте также присутствуют смысловые компоненты «печального» текста: «молодость-зрелость (старость)», одиночество, сожаление, радость/печаль, богатство/социальное положение.

Сюжет «красивого» текста — переживания и страдания женщины, оказавшейся в необычных обстоятельствах, внешнее выражение эмоциональных переживаний. В анализируемом тексте это не только переживания Анны Сергеевны, но и Гурова. А. П. Чехов вместо имени героини большую часть рассказа называет ее «дама с собачкой», что также вынесено в название рассказа, вызывая у читателя определенный интерес. Анна Сергеевна вначале — ничем не выделяющееся из толпы «лицо», обращающее внимание на себя одной только новизной: она — дама с собачкой. Присутствие в тексте животных, однако, не в качестве образов для сравнения, также признак «красивого» текста.

Чувства и эмоции «красивых» текстов объединены вокруг нескольких смыслов: беспокойство, спокойствие, изумление, обида. Мироощущение, свойственное «печальному» тексту, имеет следующие смысловые составляющие: печальный, грусть, одиночество, доброта, радость, молодость, старость, холод, смерть. «Красивым» текстам присуще описание светлой, теплой цветовой гаммы. В данном рассказе этими красками отмечена часть романтических встреч Гурова и Анны Сергеевны в Ялте.

В основу рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» положена история курортного романа, который перерастает в настоящую любовь. Дмитрий Дмитриевич Гуров, избалованный женским вниманием и в душе презирающий всех женщин, осознает, что не может существовать без Анны Сергеевны, той, казалось бы, ничем не приметной и скромной, дамы

с собачкой. Оба персонажа ведут двойную жизнь, надеясь когда-нибудь обрести долгожданное счастье вместе. Доминантный личностный смысл рассказа, установленный в ходе литературоведческого анализа, элементов компонентного анализа и смыслового анализа может быть сформулирован следующим образом — любовь может прийти неожиданно, внезапно, любовь к человеку, казалось бы, ничем не примечательному; завладеть всем его существованием, изменить его.

Объем статьи не позволяет привести все примеры переводческих решений, поэтому остановимся на некоторых — тех, что отражают главные эмотивные смыслы «красивого» и «печального» текстов с целью анализа сохранения семантических компонентов данных типов в текстах-переводах.

Одним из семантических компонентов красивого текста является *необычное*.

Низкая оценка себя и своих поступков еще раз свидетельствуют о необычности Анны Сергеевны, ее непохожести на других женщин, с которыми был знаком Гуров (*гурная, низкая женщина, я себя презираю, все ходила, как в угаре, как безумная... и вот я стала пошлой, грянной женщиной, которую всякий может презирать*). Смысловой компонент порочности и падения в начале абзаца сильнее выражен в П1 (*a wicked, fallen woman*, затем данная оценка смягчается — *an ordinary, worthless woman*), в то время, как в П2 — это *a bad, low woman*. Однако в П2 впоследствии этот смысл компенсирован через атрибут *вульгарный и достойный презрения (a vulgar, contemptible)*. Более того, в П2 более сильная выраженность негативной оценки Гурова страданий Анны Сергеевны, а именно — нота раздражения, как и в оригинале (*irritated*) в отличие от *bored to death* в П1.

Оценочные компоненты играют важную роль в «красивых» текстах. Оценка в таких текстах — функционально семантическая категория, «красивые» тексты, как правило, изобилуют метафорами и эпитетами со значением признака. Большое пространство текста отведено под нелестную оценку женщин Гуровым. У А. П. Чехова находим следующую классификацию женщин: *1) беззаботные, добродушные женщины, веселье от любви, благодарные ему за счастье; 2) любившие без искренности, с излишними разговорами, манерно, с истерией; 3) очень красивые, холодные, с хищным выражением и упрямым желанием взять, выхватить у жизни больше, чем она может дать, не первой молодости, капризные, не рассуждающие, властные, не умные женщины, чья красота возбуждала ненависть, и кружева на их белье казались тогда похожими на чешую*.

Компонентный анализ вышеперечисленных предикатов в переводах позволил установить, что в П1 *predatory (хищный, разбойничий) expression* имеет в составе семы *насилие, обман; to wring from (вымогать, выцганивать)* имеет в составе семы *сложность и усилие*. В П2 *garacious (хищный, жадный) expression* имеет в составе семы *жадность, большое количество; to snatch from (жадно хватать)* имеет в составе семы *быстрота*. В П1 *capricious* имеет в составе семы *импульсивность, непредсказуемость и irrational* имеет в составе семы *отсутствие ясности ума, логики; а в П2 despotic* имеет в составе семы *абсолютность правления, властность; brainless* имеет в составе семы *неиспользование ума*. Таким образом, первый перевод — более сильный по интенсивности выражения неприязни, добавочными являются смыслы крайней степени ненависти и презре-

ния. *Repulsion* имеет в составе дифференциальные семы *отвращение, хамство, невоспитанность*, в то время как *hatred* имеет в составе семы *неприязни, злобы и вражды*.

Описанию моря во время романтической прогулки Гурова и Анны Сергеевны свойственны мягкие теплые тона, что типично для красивых текстов: странно освещено море; вода была *сиреневого* цвета, такого *мягкого и теплого*, и по ней от луны шла *золотая* полоса. Данная цветовая гамма сохранена в обоих переводах, т.о. характеристика «красивого» текста не утрачена, не заменена на другую, а передана в точности: *on the strange light over the sea, the water was a warm, tender purple, the moonlight lay on its surface in a golden strip* в П1 и *strange light on the sea: the water was of a soft warm lilac hue, and there was a golden streak from the moon upon it* в П2.

В любом художественном тексте время и пространство играют смыслообразующую роль. В данном рассказе атрибутика пространства Ялты противопоставлена будничной жизни Москвы, юг противопоставлен северу, тепло — холоду, духота и зной Ялты и возникшая там страсть — холоду и праздной, размеренной жизни Москвы как условиям освобождения от пережитых на отдыхе чувств. Смыслы «холод» и «одиночество» присущи «печальному» тексту. Смена обстановки сигнализирует и о смене чувств — курортный роман начинает пере рождаться в нечто большее: привязанность, затем любовь. Однако, несмотря на смену пространства и желание забыть Анну Сергеевну, у Гурова ничего не получается. Смысл вездесущности Анны Сергеевны актуализирован через следующие предикаты: *покроется в памяти туманом*, изредка будет сниться с трогательной улыбкой, а в памяти все было ясно, воспоминания *разгорались все сильнее, воскресало в памяти все*, — везде ощущал присутствие Анны Сергеевны. ... *не спилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним*. ... было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное в его отношениях к Анне Сергеевне?

В П1 данные предикаты переданы через следующие английские аналоги...*would be nothing but a vague memory, only occasionally appear to him in dreams, as clear in his memory as if he had parted with Anna Sergeyevna only the day before, his recollections grew ever more insistent.then memory turned into dreaming, did not come to him in his dreams, she accompanied him everywhere, like his shadow, following him everywhere he went.... anything exquisite, poetic, anything instructive or even amusing about his relations with Anna Sergeyevna.*

П2 *....would be shrouded in a mist in his memory, and only from time to time would visit him in his dreams with a touching smile, everything was still clear in his memory as though he had parted with Anna Sergeyevna only the day before.... his memories glowed more and more vividly.... suddenly everything would rise up in his memory; then his memories passed into dreams, and in his fancy the past was mingled with what was to come.... did not visit him in dreams, but followed him about everywhere like a shadow and haunted him... anything beautiful, poetical, or edifying or simply interesting in his relations with Anna Sergeyevna.*

Лексемы *vague* и *mist* имеют в своем составе интегральную сему *неясность, нечеткость*, однако в П2 метафоричное то *shroud* имеет в составе сему *покрытие*, что более интенсивно передает смысл

недолговечности и несерьезности курортных романов. Следование Анны Сергеевны за Гуровым, переданное сравнением *словно тень*, усиливается в П2 через добавочную лексему *haunt* и носит характер наваждения, преследования. Используемый в П1 глагол *overwhelm*, характеризующий чувства, переполняющие Гурова имеет в составе сему *переполнение*, в то время как *torment* в П2 имеет в составе сему *мука*, а сами чувства усилены атрибутом *intense*. Все эти примеры дают основание утверждать о добавочном компоненте смысла *душевные страдания, терзания*, отсутствующем в оригинале и П1.

Показательной является сцена разговора Гурова с чиновником после посещения ресторана. Сцена построена на контрапункте — диссонансе впечатлений Гурова (он думает об Анне Сергеевне) и чиновника, который думает только о вкусной еде (очаровательная женщина противопоставлена осетрине с душком). Эта сцена открывает Гурову глаза на всю его московскую жизнь, на ее двойственный характер. Смыслы скуки, возмущения, негодования, какая-то бессмысленность и бесцельность московской жизни, пресыщение ею актуализированы в чеховском повествовании (*дикие нравы, бесполовые ночи, неинтересные, незаметные дни, неустоявая игра, ненужные дела и разговоры, какая-то куца, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах*).

Описанию московской жизни Гурова в П1 свойственны следующие предикаты: *... gross, savage manners, wasted evenings, what tedious, empty days, frantic card-playing, energy went on business that was no use to anyone, and on discussing the same thing over and over again, and there was nothing to show for it all but a stunted wingless existence (замедленный, чахлый) and a round of trivialities, and there was nowhere to escape to, you might as well be in a madhouse or a convict settlement.... was sick of his children, sick of the bank, felt not the slightest desire to go anywhere or talk about anything.*

В П2 данным предикатам соответствуют следующие: *savage manners, senseless nights, uninteresting, uneventful days, the rage for card-playing, continual talk always about the same thing, useless pursuits and conversations always about the same things, a life groveling (лебезящий, похалимствующий) and curtailed (ограниченный), worthless (никчемный, бесполезный) and trivial, and there is no escaping or getting away from it — just as though one were in a madhouse or a prison.*

Анализ переводов показывает, что лексема *infuriate* имеет семы *интенсивность* и ярость, в то время как *indignation* в П2 имеет сему *праведность*. В П1 *humiliating* имеет в своем составе семы *потеря, гордость, гостоинство*, в П2 *degrading* имеет в составе интегральную сему *потеря* и дифференциальную сему *целостность*. Метафора *куца бескрылая жизнь* более адекватно передана в П1 за счет атрибутов *wingless* и *stunted*, что более интенсивно передает смысл неполноценности этого жизненного этапа в жизни Гурова. Итак, П1 более точно передает метафорический смысл оригинала.

Одним из семантических компонентов красивого текста по В. П. Белянину является наличие в произведении лжи как средства создания романтического мира. Смысл двойственности жизни: одна — скрытая, другая — напоказ, смысл ежедневной необходимости лгать актуализированы у Чехова посредством следующих предикатов: *.... ни одна живая душа не знает об этом, две жизни: одна явная, полная услов-*

ной правды и условного обмана, другая — протекшая тайно, все, что было для него важно, интеллектно, необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других, все же, что было его ложью, его оболочкой, — все это было явно. В П1 метафора, актуализирующая смысл тайной жизни, передана через лексему *husk* (скорлупа, пленка, оболочка), что отражает смыслы в оригинале — зерно и его оболочка. В П2 переводчик использует лексему *sheath* (футляр, кожух, защитная оболочка), которая тоже передает смысл оригинала и привносит дополнительный компонент смысла *усиление защиты, стремление оберегать*.

Смыслы любви и страдания героев переданы посредством развернутой метафоры — птиц в клетке, которые пытаются вырваться на свободу. П1: *He felt a pity for this life, still so warm and exquisite, but probably soon to fade and droop like his own. They were like two migrating birds, the male and the female, who had been caught and put into separate cages.....How were they to shake off these intolerable fetters?* П2: *..... He felt compassion for this life, still so warm and lovely, but probably already not far from beginning to fade and wither like his own.....it was as though they were a pair of birds of passage, caught and forced to live in different cages. How could they be free from this intolerable bondage?*

В П1 смысл несвободы передан через лексему *кандалы*, в П2 — через лексему *бремя*. Метафоры *увядающая жизнь, вянуть, как цветок, со временем полностью актуализированы при помощи выбранных обоими переводчиками лексических средств. В П2 усилен следующий компонент смысла — заточение в силу обстоятельств*.

Таким образом, ЭСД печального текста — сожаление, неумолимый ход времени актуализирована выше через выделенные выше лексемы, словосочетания, метафоры. В переводах использованы те же предикаты, характеризующие действия, связанные с жизнью живых предметов.

Все вышеупомянутое позволяет констатировать, что оба перевода адекватны, т.к. ЭСД исходного текста не искажена. В каждом из переводов обнаруживаются семантические компоненты, соответствующие не личностной доминанте переводчика, а соотносимые с оригинальным текстом. Анализ двух переводов показал, что переводчики сохранили все семантические группы первоисточника (эмоции, субъективные переживания (любовь, страдания), внешность человека и т.д.) и передали все атрибуты «красиво-печального текста» в полной мере. Основ-

ные смыслообразующие метафоры и эпитеты переведены адекватно и даже получают дальнейшее развитие (например, жизнь двух птиц в клетке, жизнь в заточении и, как результат этого, — «бескрылая» жизнь). Предикаты, характеризующие героев, неизменны, т.о. реализована адекватная передача ЭСД, характеристики героев в тексте переводов выражены одними и теми же лексемами или членами синонимического ряда с большей или меньшей степенью признака. Атрибут «красивый» много раз повторяется в тексте, однако в П1 предпочтение отдается *exquisite*, а в П2 *lovely*. Все это позволяет предположить, что ЭСД автора исходного текста и ЭСД переводчиков в большей степени являются близкими, не резонируют. В дальнейшем наиболее интересным материалом для исследования представляются переводы с искаженной ЭСД.

Библиографический список

1. Нуриев, В. А. Адекватность перевода как лингвистическая проблема / В. А. Нуриев // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 1. — С. 80–87.
2. Васадзе, А. Проблема художественного чувства / А. Васадзе. — Тбилиси, 1978. — 174 с.
3. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М., 2007. — 240 с.
4. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики / В. П. Белянин. — М.: Тривола, 2000. — 248 с.
5. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. — М.: Высшая школа, 1991. — 448 с.
6. Роговская, Е. Е. Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент перевода : дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Роговская. — Барнаул, 2004. — 165 с.
7. Красильникова, В. Г. Сопоставительный анализ художественного текста / Красильникова В. Г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.translations.web-3.ru/reading/practise/?act=full&id> (дата обращения: 29.09.2012).
8. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопоэтика / В. А. Пищальникова. — М.: АСОУ, 2010. — 144 с.
9. Пшенкина, Т. Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект / Т. Г. Пшенкина. — Барнаул, 2005. — 330 с.

ГАЦУРА Наталья Игоревна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии.

Адрес для переписки: nagatsura@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.11.2012 г.

© Н. И. Гацура

Книжная полка

Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. — 2-е изд. стер. — М.: Флинта, 2011. — 432 с.

Словарь состоит из двух частей: основной и справочной. В основной материал упорядочен по тематическому принципу. Каждый раздел посвящен группе риторических тем композиции речи, языку, аргументации и т.п.). Разделы снабжены предисловиями, которые вкуче с основными словарными статьями раздела служат путеводителем по каждому из разделов. В словарных статьях, снабженных иллюстрациями, собран максимум сведений по данной теме, поэтому основную часть можно рассматривать и как своеобразный учебник риторики, или вспомогательный материал при освоении риторики, или какой-то из ее частей. Вторая часть содержит общий список терминов, снабженных лишь этимологией, определениями и отсылками к основной части. Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

В статье рассматриваются словообразовательные особенности английской терминологии такой научно-технической области безопасности жизнедеятельности, как безопасность жизнедеятельности. Анализируются словообразовательные возможности простых терминологических единиц, изучаются словообразовательные модели сложных терминов. Выявляются продуктивные словообразовательные модели.

Ключевые слова: простые термины, сложные термины, корневые термины, аффиксальные термины, словообразовательная модель.

Настоящая статья посвящена исследованию словообразовательного потенциала английских терминологических единиц безопасности жизнедеятельности. Ученые-лингвисты пришли к выводу, что рассмотрение системы словообразования через выявление словообразовательных моделей (СМ) языковых единиц — один из плодотворнейших путей исследования [1, с. 25].

Представленная в «Англо-русском словаре терминов безопасности жизнедеятельности» англоязычная терминология указанной научно-профессиональной области насчитывает **5294** единицы, что, согласно классификации С. В. Гринёва, позволяет отнести ее к группе макротерминологий [2, с. 73].

Основанием для исследования словообразовательных особенностей английской терминологии безопасности жизнедеятельности послужила классификация Л. Б. Ткачёвой [3, с. 86], согласно которой термины разделяются на простые, сложные, терминологические сочетания и сокращения. В фокусе изучения находятся простые и сложные терминологические единицы исследуемой области знания.

Простые терминологические единицы делятся на корневые, основа которых совпадает с корнем, и аффиксальные, основа которых содержит корень и аффиксы. Терминологические сочетания, в свою очередь, анализируются по количественному и формально-грамматическому содержанию компонентов, находящихся в их составе, и делятся на двух-, трех-, многокомпонентные и фразовые. Терминологические сочетания подвергаются также систематизации по видам устойчивости компонентов и разграничиваются на связанные и свободные.

Статистический анализ показал, что простые термины, образованные по морфологическому типу, составили **1181** единицу, или **22 %** от общего количества терминов.

В исследуемой терминологии **366** простых терминов являются корневыми лексемами, что составляет **6 %** от общего числа всей выборки. В качестве примеров простых корневых терминов приведем следующие: **health** — *здоровье*; **life** — *жизнь*; **burn** — *ожог*; **cut** — *порез*; **fire** — *пожар*; **hazard** — *риск*; **rape** — *изнасилование*; **shock** — *удар, толчок при землетрясении*.

Число аффиксальных терминов, которые являются простыми, однословными терминами, основа которых содержит корень и аффиксы, соответственно равно **815** единицам, или **15 %** от общего числа терминов выборки.

Аффиксальные англоязычные терминологические единицы безопасности жизнедеятельности отражают английские словообразовательные традиции. В образовании терминов участвуют следующие суффиксы существительных: -ability/-ibility, -age, -ance/-ancy/-ence/-ency, -ant/-ent, -ee, -er/-or, -ian, -ing, -ism, -ist, -ity/-ty, -ium, -ization, -ment, -mony, -ness, -ship, -tion/-ation/-sion, -tude, -ure/-ture, -y. Наиболее продуктивными суффиксами являются:

1) -TION/-ATION/-SION (**abduction** — *похищение людей особ. женщины, ребёнка*; **chlorination** — *хлорирование*; **emaciation** — *истощение, изнурение*; **eradication** — *ликвидация болезни, эпидемии*; **purification** — *очистка, очищение, обеззараживание воды*; **explosion** — *взрыв*; **abrasion** — *трение, истирание, ссадина / механическое повреждение поверхности вследствие трения, стирание, износ, снашивание*);

2) -ING (**wrecking** — *разрушение / амер. аварийно-спасательные работы*; **warning** — *предупреждение, предостережение, оповещение*; **smoking** — *курение/дымление напр. двигателя*; **quenching** — *гашение, тушение*; **pilfering** — *мелкое воровство*; **poisoning** — *отравление, состояние отравления, интоксикация*; **salvaging** — *сбор обломков самолета, потерпевшего аварию / мор спасательные работы*);

3) -MENT (**unemployment** — *безработица*; **treatment** — *очистка, обработка; лечение*; **management** — *управление (планирование, регулирование, контроль)*; **impairment** — *ущерб, вред, повреждение*; **settlement** — *осаждение, отставание, осветление*; **abandonment** — *оставление, покидание в аварийной ситуации*; **adjustment** — *акклиматизация, адаптация*).

Сложные термины, имеющие в своем составе не менее двух корневых морфем, составили **151** единицу, или **3,6 %** от общего числа терминов выборки и были образованы по девяти моделям: N+N, V+prep, Ving+prep, N+Ving, prep+V, prep+N, A+N, A+Ving, Num+N. На основании частотности использования мы выделяем три группы моделей

образования сложных терминов: 1) модели с высокой степенью продуктивности, 2) модели средней степени продуктивности и 3) модели низкой степени продуктивности.

К группе с высокой степенью продуктивности отнесена следующая модель:

1) модель **N+N**, по которой образовано **114** единиц, например:

safeguard — гарантия, мера предосторожности

lifeboat — спасательная шлюпка

alarm-call — сигнал аварии

cloudburst — ливень

hailfall — выпадение града

earthflow — оползень.

В группу моделей со средней степенью продуктивности вошли следующие:

1) модель **V+prep**, по которой образовано **11** терминов, например:

break-out — вспышка, массовое проявление эпилепсии

gray-out — «серая пелена» (пелена перед глазами с возможным нарушением сознания от внешнего воздействия)

blackout — временное отсутствие электрического освещения во время аварии и т.д. / временная потеря сознания, провал памяти

carry-over — унос, вынос напр радиоактивности / перенос, передача напр вируса

fallout — выпадение радиоактивных осадков / осадки напр радиоактивные

flare-up — внезапное обострение болезни

follow-up — отдаленные результаты (стихийного бедствия, облучения)

2) модель **N+Ving** представлена **девятью** терминами; в таких сложнопроизводных существительных вторая основа обозначает действие, а первая основа — объект, связанный с этим действием, например:

life-saving — спасение людей (особенно утопающих),

crash-landing — аварийная посадка, вынужденная посадка / катастрофа при посадке,

fireproofing — придание огнестойкости (пропитка огнестойким составом) / противопожарная защита,

firefighting — пожарное дело, противопожарные мероприятия, борьба с пожарами,

fire-raising — поджог,

food-sharing — распределение продовольствия,

kidnapping — похищение людей (особенно женщин и детей).

К группе моделей с низкой степенью продуктивности образования сложных терминов отнесены модели, представляющие собой особые случаи:

1) модель **prep+V**, представленная **5** терминословами, например:

outbreak — вспышка (эпидемии) / внезапное начало / прорыв плотины / вторжение холодных воздушных масс

outburst — внезапное выделение газа / вспышка, взрыв / прорыв потока

outcome — последствие, результат, исход

overload — перегрузка

overturn — опрокидывание

2) модель **prep+N**, по которой образовано **четыре** сложных термина, например:

aftermath — последствие (бедствия, катастрофы)

forshock — форшок

aftershock — афтершок

overdose — передозировка

3) модель **A+N**, участвующая в образовании **трех** сложных терминов, например:

freeway — автострага

safeguard — обеспечение безопасности, охрана, защита, защитные мероприятия

4) модель **Ving+prep** представлена **двумя** терминами, например:

icing-up — ледяная пробка в трубах при замерзании воды

settling-out — выпадение в осадок, оседание

5) модель **A+Ving**, на базе которой образован **один** термин, в частности:

well-being — хорошее самочувствие

6) модель **Num+N**, по которой образован **один** термин, а именно:

first-aider — лицо, обученное правилам оказания первой помощи.

Исследование показало, что в англоязычной терминологии безопасности жизнедеятельности функционируют термины, содержащие в себе греко-латинские терминосоставы. Следует отметить, что большинство сложных терминов, содержащих греко-латинские элементы, не были специально созданы для исследуемой терминосферы. Данные термины, как правило, были привлечены из смежных областей знания. Далее приведем примеры греко-латинских элементов в терминологии БЖД:

— **acari-** клещевой (три единицы): acariasis, acaricide, acarid

— **acro-** верхний, высший (одна единица): acrotism

— **actino-** 1. связанный с излучением; 2. имеющий радиальную структуру (шесть единиц): actinobiology, actinodermatitis, actinogen, actinomycetes

— **aero-** аэро-, воздухо- (шесть единиц): aero-allergen, aeroembolism, aerobe

— **anthropo-** человек, человеческий (одна единица): anthropometry

— **anti-** противоположное положение, свойство, действие (три единицы): antibiotic, anticyclone, antidote

— **audio-** слуховой, акустический (одна единица): audiometry

— **auto-** делающий сам, производимый самостоятельно (одна единица): autopurification

— **bio-** жизнь (три единицы): biomechanics, biometrics, biotransformation

— **de-** прекращение, удаление, устранение, извлечение, отделение (10 единиц): decontaminant, dehydration, denitrification, deratization

— **di-** два (две единицы): dielectric, dioxin

— **dis-** затруднение, отклонение от нормы, нарушение, расстройство функции (16 единиц): disability, disagreement, disarmament, discharge

— **electro-** электрический (четыре единицы): electrocution, electricity, electric

— **encephalo-** относящийся к головному мозгу (одна единица): encephalorrhagia

— **epi-** расположенный над, поверх, возле или вокруг (две единицы): epicenter

— **geo-** земля, земной (одна единица): geophone

— **haemo-** кровь, кровяной (одна единица): haemorrhage

— **half-** половина (две единицы): half-life, half-period

— **hepato-** печень (одна единица): hepatotoxicity

— **hyper-** чрезмерное повышение, увеличение (две единицы): hypergryxia

— **hypo-** 1. нахождение под; 2. понижение, уменьшение, недостаточность, слабая выраженность (шесть единиц): hypocenter, hyposensitization, hypostasis

- **magni-** *большой* (две единицы): magnitude, magnification
- **micro-** *относящийся к очень малым величинам* (семь единиц): microbe, microbicide, microbiology, microbism, microgerm, microorganism
- **pan-** *общий, всеобщий* (одна единица): pandemic
- **pneumo-** *пневмо-* (четыре единицы): pneumovirus, pneumomycosis, pneumonia, pneumokoniosis
- **radio-** *радиация, излучение* (10 единиц): radiochrometer, radiocontamination, radiohazard, radiometer, radiopacity, radioprotection
- **self-** *свой, себя* (три единицы): self-clarification, self-cleaning, self-purification
- **spectro-** *спектрографический* (две единицы): spectrometer, spectroradiometer
- **thermo-** *тепло, теплый* (три единицы): thermoanaesthesia, thermoregulation
- **tox-** *ядовитый, токсический* (восемь единиц): toxic, toxicant, toxication, toxicide, toxicity, toxicoid, toxicology, toxicomania, toxin
- **xeno-** *чужой* (одна единица): xenobiotic
- **-asthenia** *ослабление, слабость* (две единицы): ergasthenia, asthenia
- **-cide** *вещество, уничтожающее что-л.* (16 единиц): zoocide, toxicide, rodenticide, raticide, pesticide, miticide, microbicide, insecticide, fungicide
- **-emia** *содержание чего-либо в крови* (одна единица): actinotoxemia
- **-esthesia** *относящийся к ощущению* (одна единица): acroparesthesia
- **-gen** *вещество, вызывающее нечто* (три единицы): hallucinogen, allergen
- **-graphy** *наука* (одна единица): demography
- **-iasis/-asis** *патологическое состояние, болезнь* (четыре единицы): ancylostomiasis, fascioliasis, formiciasis, acariasis
- **-itis** *воспалительный процесс, болезнь* (шесть единиц): actinodermatitis, alveolitis allergig extrinsic, bronchitis, encephalitis, faucitis, hepatitis
- **-logy** *наука, круг явлений, изучаемых данной наукой* (11 единиц): allergology, anaesthesiology, bacteriology, epidemiology, microbiology
- **-mania** *сильное влечение, пристрастие* (три единицы): narcomania, heroimania, toxicomania
- **-meter** *прибор* (10 единиц): ratemeter, hazemeter, dosimeter, actinometer
- **-metry** *-метрия* (три единицы): dosimetry, audiometry, anthropometry
- **-osis** *патологическое состояние, болезнь* (20 единиц): actinomycosis, bagassosis, epidermatomycosis, heliosis, mycosis, pneumoconiosis, selenosis
- **-pathy** *болезнь* (одна единица): aeropathy
- **-phone** *устройство для передачи данных* (одна единица): geophone

Книжная полка

Зорина, Ю. В. Когнитивные аспекты исследования англоязычной терминологии безопасности жизнедеятельности : моногр. / Ю. В. Зорина ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2012. — 167 с.

Монография посвящена лингвокогнитивным аспектам англоязычной терминологии безопасности жизнедеятельности. Рассматриваются структурные и семантические особенности указанной терминологии. Предлагается когнитивное моделирование англоязычного терминофрейма SAFETY, выявляются внутрисистемные связи между структурами знания в составе терминофрейма.

Предназначена лингвистам: преподавателям, аспирантам, студентам.

Итак, структурный анализ сложных терминов показал наличие разнообразных моделей их образования, как классических для английского словообразования в целом, так и специфических, не являющихся традиционными и широко используемыми. К последним относим модели второй и третьей групп, в составе которых встречаются терминологические элементы, выраженные предложениями, союзами, артиклями или частицами. Критериями признания термина сложным во всех исследованных нами случаях считаются: 1) графический, выражающийся в слитном или дефисном написании, 2) семантический, основанный на определении семантической целостности значения термина, нарушение которой ведет к его изменению и 3) структурный критерий, связанный с учетом словесной структуры термина [4, с. 72].

Практическая значимость исследования, несомненно, заключается в возможности применения полученных наблюдений и выводов относительно особенностей терминов и терминосистем, а также иллюстративного материала в процессе чтения лекций по лексикологии, терминоведению, в спецкурсах по лингвистической семантике и когнитивному терминоведению, при обучении будущих переводчиков и инженеров, специалистов по безопасности жизнедеятельности, в практике преподавания английского языка студентам специальностей «Чрезвычайные ситуации», «Безопасность производства», «Пожарная безопасность», а также при подготовке учебно-методических пособий и комплексов по указанным специальностям. Составленный в ходе исследования англо-русский словарь терминов безопасности жизнедеятельности применяется в качестве учебного пособия при обучении студентов указанных выше инженерных специальностей.

Библиографический список

1. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — М. : 1992. — 221 с.
2. Гринёв, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринёв. — М. : Московский лицей, 1993. — 309 с.
3. Кондратьюкова, Л. К. Становление и развитие терминологии вычислительной техники : дис. ... канд. филол. наук / Л. К. Кондратьюкова. — Л., 1984. — 198 с.
4. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. — 200 с.

ЗОРИНА Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: nyuabrina1081@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.10.2012 г.

© Ю. В. Зорина

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Рассматриваются основные лингвистические приемы воздействия СМИ на общественное сознание на разных языковых уровнях на примере российской и американской прессы.

Ключевые слова: общественное сознание, лингвистические средства воздействия, медиа-влияние.

Языковое воздействие на сознание осуществляется посредством многих коммуникационных каналов, среди которых на сегодняшний день нет более влиятельного, чем средства массовой информации (СМИ). Подобная роль СМИ достигается оперативностью предоставления информации, доступностью, широким охватом аудитории, многоплановостью (СМИ включают в себя информацию различного характера), социальной ориентированностью (выражение мнения и интересов больших социальных групп) и др.

Сегодня СМИ используют довольно широкий арсенал приемов влияния на общественное сознание, в первую очередь можно выделить преобразование коммуникативно-содержательной стороны информации, эмоциональное воздействие, а также языковые методы манипулирования.

Обратимся к анализу лингвистических средств воздействия — для этого поэтапно рассмотрим основные приемы медиа-влияния на уровне формальной логики, лексическом, грамматическом уровнях, а также на уровне предложения и текста. В качестве примеров обратимся к фрагментам статей и новостных заметок из российских и американских СМИ.

Логичность — одно из главных свойств текста, помогающее его адекватному восприятию. Требования логичности, предъявляемые речи, особенно высоки в научном стиле. Но и в публицистическом тексте логичность играет важную роль для воздействия на реципиента. Соблюдение основных законов логики при построении текста позволяет читателю правильно понять интенции автора, проследить причинно-следственные связи между описываемыми явлениями и событиями, сделать выводы о достоверности и степени доказанности определенных фактов. Однако на уровне формальной логики существует ряд приемов введения читателя в заблуждение, которые содержат скрытую логическую ошибку — подмену тезиса, обоснование тезиса с помощью ложных аргументов и т. д., но наиболее эффективное воздействие оказывают приемы смещения смыслового акцента и подмены аргумента.

Смещение смыслового акцента строится следующим образом: «обосновывается и аргументируется очевидное, не требующее доказательств положение (ассерция), а положение, нуждающееся в доказательстве, выступает в роли пресуппозиции или аксиомы» [1]. В результате внимание адресата сконцентрировано не на информации о реальном факте, а на его

оценке, которая не соответствует действительности, вследствие чего реципиенту навязывается необходимая манипулятору точка зрения на определенное событие (факт).

«*They often also look warmly on the United States <...> In Pakistan, Afghanistan and Egypt, we Americans hand out billions of dollars in aid and are often hated. I come to Iran, and people hand me gifts!*» [2].

Они [иранцы. — А. Г.] часто довольно тепло относятся к США. В Пакистане, Афганистане и Египте мы — американцы — раздаем миллиарды долларов в поддержку, и нас все равно ненавидят. Я приезжаю в Иран, и люди вручают мне подарки!

Здесь положение, нуждающееся в доказательстве (иранцы тепло относятся к США), выступает в роли пресуппозиции, а в качестве его аргументации приводится антиномия двух фактов: явного факта, не требующего доказательств (негативного отношения жителей Афганистана и Пакистана к США), и факта, достоверность которого установить крайне трудно или практически невозможно (вручение подарков жителями Ирана).

Еще одним эффективным средством воздействия является прием **подмены аргумента**. Он строится на разрыве логической цепи: в качестве основания доказательства приводится положение, само нуждающееся в доказательстве. Рассмотрим новостную заметку из Независимой газеты:

«Сторонники Тимошенко **подозревают Ющенко** в подготовке военного переворота.

Народный депутат от Блока Юлии Тимошенко заявляет, что Служба безопасности Украины совместно с Управлением государственной охраны (УГО) планируют реализацию силового сценария с установлением прямого президентского правления.

«В очередной раз Служба безопасности Украины и УГО выступают инструментом политического давления в руках Банковой. Сегодня рассматривается сценарий блокирования органов исполнительной власти, политических арестов и установления прямого президентского правления», — цитирует Андрея Кожемякина пресс-служба БЮТ.

По словам Кожемякина, секретариат президента повторяет «чилийский сценарий» установления диктатуры времен Аугусто Пиночета» [3].

В данной заметке рассматривается возможная подготовка военного переворота в Украине. Однако логическая цепь разрывается: сначала в повествование вводится имя президента Украины В. А. Ющенко

(именно его подозревают в подготовке военного переворота), а в дальнейшем происходит подмена аргумента — вместо аргументации и доказательств причастности Ющенко к подготовке переворота в тексте говорится о планах Службы безопасности Украины и Управления государственной охраны. При этом подозрения и в адрес главы государства, и в адрес служб безопасности не имеют под собой никакой доказательной базы, по крайней мере, об этом ничего не сказано. Кроме того, воздействие достигается введением цитаты высокопоставленного чиновника, однако и его доводы не имеют под собой конкретных доказательств. Концовка отсылает читателей к общеизвестным фактам деспотического правления Пиночета в Чили, что апеллирует к эмоциям адресата. Таким образом, в конце заметки у реципиента складывается впечатление, что военный переворот готовится на самом деле и за ним стоит президент Ющенко, хотя в действительности представленные заявления остаются лишь гипотезами.

Лексический и грамматический уровни языка открывают широкие возможности для создания экспрессивных, эмоционально-окрашенных и ярких образов. В то же время, на основе лексических и грамматических языковых единиц строится большое количество лингвистических средств воздействия на сознание. Рассмотрим наиболее эффективные и распространенные приемы.

В последнее время актуализировался процесс **использования терминологической лексики** в СМИ, этому есть свое объяснение. Так, отечественный филолог М. Н. Володина обращает внимание на прагматические качества терминов: «прагматическая ценность терминологической информации заключается в ее способности определенным образом влиять на поведение человека и его способ мышления» [4]. Использование термина в тексте информационного сообщения всегда повышает его авторитетность, позволяет передать коннотативное значение, что, в свою очередь, может вызвать положительную либо отрицательную реакцию аудитории к описываемому событию. Особую роль играет **метафорическое использование терминологии**, широко распространенное в текстах СМИ. Так, активно используются метафоры, основанные на медицинской терминологии, например:

«Так снимается острота противоречий между элитами и обществом, налаживается постоянный метаболизм между ними» [5].

«Такой невеселый диагноз крупнейшей экономике мира поставили эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)...» [6].

С употреблением терминологии и использованием коннотативных значений в целях воздействия на аудиторию связан процесс **использования эвфемизмов и дисфемизмов** — благодаря им становится возможным избежать употребления грубых, нетактичных слов и выражений в текстах СМИ, либо, напротив, намеренно включить их в сообщение. Так, например, во время войны во Вьетнаме в американских СМИ вместо слов с негативной коннотацией использовались синонимы с положительным смыслом: «бомбардировка» — «непосредственная воздушная поддержка», «второстепенный ущерб» — «ненамеренное разрушение объектов авиационными бомбами», «военные действия» — «программа умиротворения». Последняя фраза настолько вошла в обиход, что в газетах можно было прочесть такое сообщение: *«Одна деревня так упорно сопротивлялась умирот-*

ворению, что, в конце концов, ее пришлось разрушить» [7].

По принципу замены одной лексической единицы другой строятся и **приемы овеществления и олицетворения**, когда в зависимости от цели сообщения ответственность за выполнение какого-либо действия приписывается неодушевленному предмету либо, соответственно, одушевленному. Например, если ответственность за сброс ракеты на жилой массив следует снять с военных, то в прессе возможен такой вариант сообщения: «Ракета из-за технической неисправности сбилась с курса и поразила незаданную цель», напротив, если необходимо подчеркнуть чью-то причастность к этому событию, текст сообщения будет совсем иным: «Командующий ракетным отделением отдал приказ открыть огонь по жилому кварталу. Приказ был незамедлительно исполнен военными». Соответственно, реакция аудитории на одно и то же событие, преподнесенное по-разному, будет сильно различаться.

Ту же роль играют приемы переноса действия с деятеля на результат и употребление пассивного залога:

«War plan for Iraq calls for big force and quick strikes» [8]. **«Военный план по Ираку требует больших сил и быстрого удара».**

«War plan calls for precision bombing wave to break Iraqi army early in attack. <...> The Pentagon's war plan for Iraq calls for unleashing 3000 precision-guided bombs and missiles in the first 48 hours of the opening air campaign» [9].

Военный план требует поразить иракскую армию на начальном этапе нападения волной точных бомбардировок. <...> **Военный план Пентагона относительно Ирака требует, чтобы 3000 самонаводящихся бомб и ракет были сброшены за первые 48 часов воздушной кампании.**

Благодаря использованию пассивизации («план требует») создается эффект непричастности (вынужденной причастности) определенных субъектов к описываемым событиям.

Метафоризация — один из излюбленных приемов воздействия в СМИ. Метафора представляет собой перенос имени с одной реалии на другую на основании сходства. А. А. Любимова раскрывает смысл использования метафоры в манипуляционных целях следующим образом: употребление метафоры «сводится к подмене рационального обоснования суждения иррациональным, а также вариантом аргумента к авторитету, имеющим формальные признаки выражения общеизвестного факта или непреложной истины» [1, с. 220]. Иными словами, метафоризация служит одним из способов выражения оценки, а нередко приобретает статус аргумента при доказательстве определенной точки зрения. В результате метафоризации создается емкий и экспрессивный образ, с которым связаны определенные ассоциации в общественном сознании. Впоследствии этот образ может активно использоваться в текстах СМИ, вызывая необходимую реакцию аудитории. Взяв в качестве примера случаи, связанные с вторжением американских вооруженных сил на территории других государств, можно проследить, как выстраивается метафоричность образов в прессе США.

«NATO's declared purpose in Kosovo is to stop the humanitarian crisis from developing into a humanitarian catastrophe, and to prevent instability from spreading in Europe» [10].

Заявленная цель НАТО в Косово состоит в том, чтобы не дать **гуманитарному кризису** развиваться

в гуманитарную катастрофу и препятствовать распространению нестабильности в Европе.

«Pulling back the United Nations presence from the Balkans would heap a new humanitarian tragedy upon the existing one» [11].

«Отступление сил Организации Объединенных Наций с Балкан явилось бы причиной новой гуманитарной катастрофы в добавок к уже существующей».

«Fortunately, the job of building democracy in Iraq, although difficult, may not be quite as hard as many critics of the war have warned» [12].

«К счастью, работа по установлению демократии в Ираке, хоть и нелегка, но она не настолько сложна, как говорили критики военных действий».

На основе данных примеров видно, что метафора выстраивается следующим образом: существуют неравноправие, проблема, «катастрофа», затем приходит «герой» — США, который восстанавливает справедливость. С помощью подобных метафор можно оправдать бомбардировки Косово — ведь это была акция по «предотвращению гуманитарной катастрофы», или военные действия в Ираке — они были актом «установления демократии».

На синтаксическом уровне помимо разнообразных фигур речи, позволяющих достичь эмоциональное и эстетическое воздействие, используются различные приемы композиционного построения предложения и текста в целом.

Метод фрагментации заключается в дроблении информационного потока на отдельные фрагменты, не связанные друг с другом, в результате аудиторией не удается сформировать правильной, полноценной и адекватной действительности картины событий.

«Премьер-министр РФ, председатель «Единой России» Дмитрий Медведев призвал не преувеличивать значения мнения интернет-сообщества на происходящие события, отметив, что большинство граждан живет не «в онлайн, а в офлайн». На встрече с кандидатами на должность руководителя центрального исполнительного комитета партии он отметил, что зачастую возникает искаженная картина «и применительно к «Единой России», и применительно к политической ситуации и общественной жизни». По словам Медведева, «фантомные вещи вылезают на первый план, и такое ощущение, что вся страна думает только об этом. Я не буду говорить, что имею в виду, вы и сами знаете» [13].

Эта новостная заметка как нельзя лучше демонстрирует использование приема фрагментарности — из нее удается установить лишь то, что премьер-министр РФ проводил встречу с кандидатами на должность руководителя ЦИК партии и высказался по поводу мнения интернет-сообщества. Однако сформировать полноценную картину событий, как и понять основную мысль данного сообщения, читателю крайне трудно или невозможно вовсе.

Упрощение — позволяет «высказывать главную мысль в «краткой, энергичной и впечатляющей форме» — в форме утверждения» [14]. События излагаются краткими простыми предложениями, редуцирующими смысл высказывания и примитивизирующими его, для этого существует «целый ряд клише, лозунгов, эпитетов, кратких, но расплывчатых фраз, при помощи которых можно описать любую международную новость» [14, с. 159].

«Президент РФ Владимир Путин поздравил по телефону российскую сборную, завоевавшую золотые медали на чемпионате мира по хоккею.

«В. Путин болел за нашу сборную у телевизора и смотрел финальный матч от начала до конца, как и большинство игр сборной России на чемпионате мира», — сообщили в пресс-службе Кремля. После завершения матча президент поздравил по телефону главного тренера сборной Зинатуллу Билялетдинова.

«По мнению В. Путина, наши игроки в очередной раз доказали, что они лучшие хоккеисты на планете, и дали всем нам еще один повод гордиться нашей страной», — добавили в пресс-службе Кремля» [15].

Основная информация передается простыми предложениями, используется общеупотребительная лексика, что делает заметку доступной каждому. Ссылка на то, что В. Путин смотрел матч по телевизору от начала до конца, положительно сказывается на имидже главы государства, так как показывает, что у президента такие же интересы, как и у «простого народа».

Повторение придает утверждениям дополнительный вес, заставляет аудиторию акцентировать внимание на наиболее важных для манипулятора моментах. Именно на методе повторения основана большая часть рекламы.

«Россия не вступает в гонку вооружений, но ее ядерный и космический потенциал должен совершенствоваться, заявил сегодня Владимир Путин. К 2020 году доля современных вооружений по стратегическим ядерным силам должна составить 75–85 %, в войсках ВКО — не менее 70 %. <...>

Президент напомнил, что сегодня все ядерные и космические державы «делают ставку на совершенствование и развитие, активно разрабатывают системы управления, повышают эффективность средств разведки, наблюдения и сбора информации». В обеспечении безопасности России на такие силы возлагается особая ответственность, **отметил г-н Путин**.<...>

Г-н Путин напомнил, что при формировании госпрограммы вооружений до 2020 года были выделены необходимые группировки стратегических ядерных инициатив и войск ВКО. «На их количественное и качественное оснащение намерены выделить значительную часть ресурсов», — **напомнил глава государства**. **К 2020 году доля современных вооружений по стратегическим ядерным силам должна составить 75–85 %, в войсках ВКО — не менее 70 %» [16].**

Основная информация заметки может быть представлена двумя-тремя предложениями, но использование повторов увеличивает ее объем, акцентируя внимание читателя на важных для манипулятора моментах. Здесь повторяется субъект действия (президент, г-н Путин, глава государства), действие, выраженное глаголами совершенного вида (заявил, отметил, напомнил), и объект действия (то есть то, о чем говорил президент). Многократное упоминание субъекта действия в сочетании с глаголами совершенного вида помогает ассоциировать президента с такими понятиями, как «движение, энергия, действенность», что положительно сказывается на имидже главы государства. Подобную роль выполняет повторение статистической информации, характеризующей процессы совершенствования и развития, в сочетании с глаголами долженствования (доля должна составить).

Часто встречается в текстах СМИ **параллелизм** — одинаковое синтаксическое построение частей предложения, соседних предложений или отрезков речи — это позволяет ритмически акцентировать

внимание адресата на значимых для автора фрагментах текста.

«По словам господина Мегведева, жизнь в Южной Осетии должна меняться к лучшему быстрее, и именно в этом и заключается стратегический замысел России. **«Россия будет помогать, Россия будет защищать народ Южной Осетии. И я уверен, что совместными усилиями мы сможем решить не только сложные геополитические задачи, но и вполне конкретные мирные задачи, которых так ждут люди, собравшиеся сегодня на площади», — заявил он»** [17].

В данном примере параллелизм в одинаковом построении частей сложного предложения в сочетании с анафорой выделяет значимый фрагмент текста, задает определенный ритм высказывания, за счет чего усиливается эффективность воздействия.

Прием **градации** строится на основе последовательной группировки выражений — при этом интенсивность значения каждого последующего выражения возрастает (восходящая градация) или убывает (нисходящая градация).

«**Национальный секретарь УМР Филипп Жювен пошел еще дальше, назвав преступной позицию Франсуа Олланда по сирийскому вопросу. «Почему президент не вмешивается в конфликт? Он боится? Или он некомпетентен? Или не умеет принимать решения? Или же до сих пор не осознал лежащей на нем моральной ответственности?»** [18].

Здесь восходящая градация сопровождается параллелизмом в построении предложений и комплексом риторических вопросов. Использование подобных приемов делает данное высказывание экспрессивным и эмоционально насыщенным, что, несомненно, производит сильный воздействующий эффект. Целью высказывания является провоцирование реакции масс, возбуждение отрицательных эмоций у аудитории по поводу «бездействия» Франсуа Олланда по «сирийскому вопросу».

Использование безличных и неопределенно-личных конструкций «В таких предложениях частное мнение автора с помощью безличной конструкции <...> выдается за общепризнанную истину» [1, с. 129]. Благодаря этому, адресат разделяет позицию автора или воспринимает ее как мнение большинства.

В качестве примера приведем заголовок статьи из New York Times: *«Poisoned Toothpaste in Panama Is Believed to Be From China»* [19].

«**Считается, что зубная паста с ядовитыми веществами в Панаме, была произведена в Китае».**

В данном заголовке нельзя определить субъекта глагола «считается»: неясно, кто так считает — эксперты лабораторий, потребители или же это мнение автора. Неважно, что в статье может быть представлена более подробная информация, заголовок — то, на что читатель обращает внимание в первую очередь даже при беглом или выборочном чтении.

Немаловажными приемами, повышающими авторитетность сообщения в прессе, являются **эффект присутствия и введение эксперта**.

Эффект присутствия «позволяет направить манипулятивную методику на максимальное достижение необходимого результата. По типу — очевидец всегда прав» [20]. Данный прием чаще всего используется в репортажах, благодаря эффекту присутствия получатель информации как бы «погружается» в описываемую ситуацию, является непосредственным свидетелем, соучастником события.

«**Машины вдоль дороги, как дохлые тараканы, кверху помятыми колесами. Дома на улице разру-**

шены через один. Во дворах пруды. Дальше переломанные деревья перемешаны с искореженными бамперами, холодильниками, детскими велосипедками, трупами животных и чем-то еще...» [21].

Излюбленный прием репортеров — натурализм в передаче события, это особо актуально в период чрезвычайных ситуаций. Такой прием нацелен на максимальное эмоциональное воздействие. Реципиент «погружен» в описываемую ситуацию и может видеть «все ужасы» произошедшего.

Введение мнения эксперта придает тексту сообщения большую весомость, авторитетность, достоверность.

«**До сих пор не прекратившийся после вооруженного конфликта 1982 года спор между Великобританией и Аргентиной о Фолклендских (Мальвинских) островах может перейти в более активную фазу. <...> Эксперты говорят, что повторение военного столкновения между британцами и аргентинцами в будущем возможно»** [22].

«**Выводы комиссии по расследованию последнего неудачного пуска межконтинентальной баллистической ракеты «Булава» готовы и находятся «на пути в правительство», сообщил во вторник высокопоставленный источник в военно-промышленной комиссии»** [23].

Категория эксперта, как правило, создается рядом слов, имеющих коннотативное значение достоверности, точности, авторитетности, правильности. К этим словам относятся: «специалист», «эксперт», «советник», «уполномоченный», «компетентный» и пр.

Как видно из представленных примеров, сегодня в СМИ используются разнообразные лингвистические приемы и методы воздействия на различных языковых уровнях, за счет чего манипулятору удается добиться необходимого эффекта в сознании масс. Следовательно, встает вопрос о защите индивида и общества в целом от манипулятивного воздействия, который может быть решен повышением уровня образованности и медийной грамотности населения.

Библиографический список

1. Любимова, А. А. Языковые аспекты воздействия на общественное сознание : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Любимова. — М., 2006. — С. 140.
2. The New York Times. 2012. 21 июня [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2012/06/21/opinion/kristof-in-iran-they-want-fun-fun-fun.html> (дата обращения: 14.09.2012).
3. Независимая газета. — 2008. — 14 октября [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.ng.ru/2008/10/14/1224001895.html> (дата обращения: 15.09.2012).
4. Володина, Н. М. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание / Н. М. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М. : Изд-во МГУ, 2003. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/03.htm#z_09 (дата обращения: 14.09.2012).
5. Российская газета. — 2011. — 19 апреля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/04/19/forbes.html> (дата обращения: 15.09.2012).
6. Независимая газета. — 2010. — 22 сентября [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-09-22/4_usa.html (дата обращения: 15.09.2012).
7. Мансурова, А. И. Вербальные способы манипуляции общественным сознанием / А. И. Мансурова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — Казань : Изд-во КГУ, 2009. — № 1. — С. 71.

8. The New York Times. — 2002. — 10 ноября [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2002/11/10/world/threats-responses-military-war-plan-for-iraq-calls-for-big-force-quick-strikes.html?pagewanted=all&src=pm> (дата обращения: 14.09.2012).
9. The New York Times. — 2003. — 2 февраля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2003/02/02/world/threats-responses-military-war-plan-calls-for-precision-bombing-wave-break-iraqi.html?pagewanted=all&src=pm> (дата обращения: 14.09.2012).
10. The New York Times. — 1999. — 31 марта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1999/03/31/opinion/31iht-edfred.2.t.html?gwh=83A0BA85448D7A3128AC0980265C41AF> (дата обращения: 14.09.2012).
11. The New York Times. — 1994. — 27 августа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1994/08/27/opinion/balkans-need-more-talking-not-more-fighting-the-right-to-access.html> (дата обращения: 14.09.2012).
12. The New York Times. — 2003. — 22 апреля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nytimes.com/cfr/international/20030422faessaу82n3_dawisha.html?pagewanted=print&position= (дата обращения: 14.09.2012).
13. Независимая газета. — 2012. — 10 августа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ng.ru/politics/news/2012/08/10/1344589106.html> (дата обращения: 15.09.2012).
14. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2004. — С. 158.
15. Аргументы и факты. — 2012. — 12 мая. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aif.ru/sport/news/134440> (дата обращения: 15.09.2012).
16. РБК. — 2012. — 26 июля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2012/07/26/focus/562949984402723> (дата обращения: 15.09.2012).
17. Коммерсант. — 2012. — 9 августа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1997968> (дата обращения: 15.09.2012).
18. Коммерсант. — 2012. — 10 августа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1998605> (дата обращения: 15.09.2012).
19. The New York Times. — 2007. — 19 мая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2007/05/19/world/americas/19panama.html> (дата обращения: 14.09.2012).
20. Зелинский, С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание / С. А. Зелинский. — СПб. : СКИФИЯ, 2008. — С. 345.
21. Гугова, Ю. Трагедия на Кубани / Ю. Гугова // Русский репортер. — 2012. — № 27. — 12 июля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2012/07/10/tragediya/> (дата обращения: 15.09.2012).
22. Российская газета. — 2012. — 21 мая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/sujet/4591/index.html> (дата обращения: 15.09.2012).
23. Российская газета. — 2010. — 25 мая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/05/25/bulavapans.html> (дата обращения: 15.09.2012).

ГАВРИЛОВ Александр Александрович, аспирант кафедры философии и социальных коммуникаций. Адрес для переписки: woodenglass@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2012 г.
© А. А. Гаврилов

Книжная полка

Из истории отдельных терминов : коллектив. моногр. / ОмГТУ, Ом. терминолог. центр. — Омск : Ом. науч. вестн., 2011. — ISBN 978-5-91306-041-9.

Т. IV. — 2011. — 133 с.

История происхождения отдельных терминов помогает понять и освоить терминологию специальных областей знания и человеческой деятельности, что особенно актуально в наш стремительный век бурного развития технологий и интенсификации межнационального общения специалистов. В четвертом томе продолжающегося издания читатель познакомится с происхождением терминов противоракетной и космической обороны, авиационной и бронетанковой техники, искусственного интеллекта, сельскохозяйственного машиностроения, трубопроводного транспорта, добычи нефти и дорожного строительства. Адресуется терминоведом, лингвистам, специалистам в отдельных областях знания.

Т. V. — 2011. — 91 с.

В пятом томе продолжающегося издания читатель познакомится с происхождением терминов из таких областей знания, как экономика, юриспруденция, биология, экология, искусство, спорт. Адресуется терминоведом, лингвистам, специалистам в указанных областях знания.

Трудности русского языка : словарь-справочник : учеб. пособие для вузов по направлению 030600 «Журналистика» и специальности 030601 «Журналистика» / В. Н. Вакуров [и др.] ; под ред. Л. И. Рахмановой. — 4-е изд., перераб. — М. : Флинта ; М. : Наука, 2011. — 608 с.

В словарь-справочник вошли статьи, посвященные трудным вопросам различения слов с близкими значениями: новым словоупотреблениям, наиболее часто встречающимся в газете, а также трудностям, связанным с наличием вариантных грамматических форм и синтаксической сочетаемостью. Для работников печати и всех интересующихся вопросами стилистики русского языка и культуры речи.